

Складывая как-то по осени в поленницу дрова, Мария нашла сумку Алексея, с которой он закончил семилетку. Хотела отбросить в сторону, но рывком поднять не смогла. Открыв, охнула и опустилась на колени. Внутри лежали две гранаты. Только сейчас она четко поняла, почему сын так поздно приходит домой, что за люди у них noctуют. Когда Борис появился на пороге, Мария со слезами набросилась на сына:

— Ты хотя бы мать пожалел. Неужели я тебя растила, чтобы потерять. Ты видишь, что вокруг творится. Убивают за просто так. А если тебя... Я не переживу.

Она плакала, закрываясь платком. Боря, отвернувшись к окну, хмурил брови и молчал. Затем тихо, но твердо сказал:

— Иначе, мама, не могу. Я должен отомстить за дядю Ваню, Юру Чикина, Лену Васильеву.

Немного успокоившись, Мария села возле сына и, прижав к груди его давно не стриженную голову, спросила:

— А председателя сняли и часового убили — это твоих рук дело?

— Нет, мама, наших.

Зима в первый год войны была снежной и морозной. Сугробы намело под самые крыши. В конце декабря в дом Железновых ввалился полицай. До войны работал колхозным сторожем, жил на отшибе, за скотным двором. Фамилии его никто по-настоящему не знал и звали просто — Харитон. Перед войной исчез. Вскоре обнаружился большой падеж скота. Вновь объявился в августе и сразу был назначен немцами полицаем.

Нетвердым шагом полицай прошел в передний угол, опустился на лавку. Навалившись на стол, медленно обвел пьяными глазами комнату и, остановившись на Марии, рявкнул:

— Где твой ублюдок? Живо сюда! Завтра он повезет в Устюгово немецкого офицера. Герр майор Фацман хочет прокатиться на русской тройке с бубенцами. Если хоть один волос упадет с его головы — своими руками задавлю. Из-под Земли достану. Так и передай.

Мария всплеснула руками, запричитала:

— Дите еще. Несмышленый. Что случись в дороге, виноватым будет.

Харитон стукнул по столу кулаком:

— Молчать, дура! Все

они несмышленые. Знаю я их. Поезда под откос сбрасывать, солдат убивать — все смысленные! Доберусь я до них. С корнем вырву красную зарazu. Вот этими руками уничтожать стану. Эх, только зацепиться! Я бы распугал клубок.

Харитон вытянул из шинели костлявые пальцы и, скав до хруста, тихо захихикал. Его мелко трясло от избытка мести и бессильной злобы. Подавшись вперед, совсемтихо сказал:

дежурный офицер. Увидев майора, стоявшего у печи, не решился первым нарушить тишину.

— Хотите доложить, лейтенант, что в соседней деревне русские танки, — пошутил Вилли, пытаясь придать своему голосу веселый тон. Этого не получилось.

Никак нет, герр майор! — не пожав шутки, начал дежурный. — Звонили из Устюгово. Вас вызывает полковник Штемберг. «Наверное, дошла очередь и до меня».

Солдаты выскакивали из казарм и стреляли в своих же, спросонья принимая их за бегущих партизан. Канонада фронта приближалась. Передовые части появились неожиданно. Днем через деревню спешно отступали наши танки. а утром прогромыхали наши танки.

Мария ходила между солдатами и спрашивала о Борисе, сыновьях-пограничниках. Красноармейцы пожимали плечами и, как могли, успокаивали убитую горем мать. Не узнав ничего о младшем, закрыла окна ставнями и, подперев дверь, ушла в сторону Устюгово. Заходила в каждую деревню, что стояли горевшими на ее пути. Редкие жители ничего определенного сказать не могли. Так она и дошла до Устюгово. Еще вчера здесь были немцы. Дымились головешки сожженных изб. Постучавшись в крайнюю избу с выбитыми окнами и снесенной снарядом трубой, рассказала о своем горе.

— Ох, родная, — за-причтала хозяйка. — И что эта война понадела! Весь белый свет замутнила, все разрушила в пепел. А про сына твоего не слыхала. Лютовали фашисты незадолго до бегства. Офицера ихнего убили. Говорили, паренек вез, а партизаны напали. Охрану перестреляли и в лес. Что стало с мальчиком, не знаю. Может, и твой. Жди. Дасть Бога, объявится.

С тем и вернулась домой.

Все дальше на запад откатывалась война. Не было минуты, чтобы Мария не думала о детях. Живы ли они, здоровы ли? Весточек от сыновей не было.

Радость пришла нежданно-негаданно. Мария стояла у сельмага и ожидала своей очереди. Растильная народ, подбежала со седка Глаша.

— Что ты тут стоишь. Сына иди встречай. Вернулся твой Борис!

Пошатнулась Мария, выронила от неожиданности сумку. Побежала, откуда только силы взялись. На крыльце, сбросив щенка, сидел ее младший. Совсем стал взрослым, с медалями на груди. Заплакала, не удержалась, упала к ногам, обняла их, цепляя солдатские сапоги. Борис бережно поднял матер и, обняв за худые плечи, уткнулся в седые волосы.

— Не надо, мама. Я ведь вернулся.

— Да я, сынок, от счастья плачу. Дождалась!

Ворх Чабула,

A. Вайкутис

ты вернулся, сынок...

Рассказ

— Чую, что в твой дом по ночам лесные черти наведываются, а с рассветом исчезают, как при-видения.

От этих слов в груди Марии похолодело. Только бы не начал обыск и не полез в подпол. Там, за-таяв дыхание, с автоматом на коленях, сидел раненый в грудь радист, перевязанный из леса.

Узнав, что утром нужно везти офицера, Борис потер озябшие на морозе уши и, тряхнув чубом, твердо сказал:

— Поеду.

МАЙОР Фацман стоял у замерзшего окна и зябко кутался в шубу. Он никак не мог согреться. Да-же шапка не помогал. Все летело к черту. Зимнее наступление на Москву провалилось, не думал сдаваться Ленинград. А как все великолепно началися! Не слезая с машины, проехали всю Европу. Думали, что так будет и в России. А тут морозы, партизаны, листовки. Кошмарная страна! Все это чужое, непривычное и ничего хорошего не сулящее, кроме смерти.

Стуча одеревеневшими от холода сапогами, с охапкой дров протиснулся Ганс. Долго возился у печи, пока не появилось пламя. Запахло смолой, потянуло теплом. «И зачем ты сюда пришел, Вилли?». В сотовый раз задавал себе этот вопрос и не находил ответа. Взошел

Фацман мысленно обругал Штемберга, вспомнив сухопарого командира дивизии. Ему не хотелось завтра тащиться по русскому морозу целых двадцать верст.

Он не мог знать, что это будут его последние километры в жизни.

* * *

ДОЛГО ждала Мария сына. Ночью сидела у остывающей печи. При стуке вздрогивала и замирала, ожидая, что стук повторится. Тихо выходила в сени и, прильнув к двери, вслушивалась в ночь. На дворе лютовала выгода, да за селом вились голодные волки.

В тревожных ожиданиях проходила зима. Ночью в дом Железновых из леса приносили листовки. Мария прятала их в сарае, а итог передавала тем, кто распространял в ближайших селах. Листовки появлялись на заборах солдатских казарм. Их скабливали, но на другое утро они белели вновь. Полиция сбивалась с ног, разыскивая распространителей. Устраивали засады в доме Марии, но она условным знаком успевала предупредить связных из леса.

На фронте немцы отступали. За рекой рыли окошки, устанавливали пушки. Фашисты готовились к обороне. Мария передавали, чтобы уходила в лес. Деревню будут бомбить самолеты. Уйти она не успела. Ночью над селом висело море огней из